

Размышления над новой книгой

© 2021 г.

П.Н. КОНДРАШОВ

ОТ ОБЩЕСТВА РЫНКА К ОБЩЕСТВУ РЕНТЫ

КОНДРАШОВ Петр Николаевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия (pnk060776@gmail.com).

Аннотация. Статья представляет авторские размышления над монографией «Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии». Рассматриваются факторы и условия перехода от социального государства и общества массового труда к рентному типу общества. В качестве основных причин такой трансформации выделяются исчерпание ресурсов в мировом масштабе и технологическое замещение человека, что ведет к росту социальных групп, живущих на различные формы ренты (пособия, БОД, доплаты и т.д.), в то время как в производстве богатств участвуют все меньше и меньше людей. Анализируются два возможных сценария дальнейшего развития рентного общества: негативный, связанный с углублением и глобализацией рентных процессов и ведущий к «неолиберальному феодализму», обществу без массового труда и экономического роста, но с иерархией сословно-рентных групп, между которыми государство внеэкономическими методами распределяет ренты и привилегии; и позитивный, связанный с развитием науки, личности, социализацией общества, формированием нового типа экономики, становлением гармонической солидарности.

Ключевые слова: рентное общество • социальное государство • естественное государство • технологическое замещение • общество труда • исчерпание ресурсов • социальное неравенство • прекариат • «лишние люди» • структурная безработица

DOI: 10.31857/S013216250012547-4

Введение. Пандемия COVID-19 вскрыла бесконечное множество имманентных проблем глобальной капиталистической мир-системы. История мира XXI в. разделилась на три фазы: *до*, *во время* и *после* пандемии. И все более и более становится очевидным, что мир уже не вернется к своему состоянию *до*. Поэтому говорить, как это делают представители неолиберального мейнстрима, что мы имеем дело лишь с временными отклонениями от рыночной модели, что все вернется на круги своя, уже невозможно. Речь идет о действительной катастрофе капитализма. Однако нельзя говорить и о том, что все эти проблемы – следствия только лишь пандемии. Пандемия их только обострила.

И вот одной из концепций, исследующих фундаментальные причины кризиса современного капитализма, является парадигма «рентного общества», предложенная политологами из Института философии и права УрО РАН Л.Г. Фишманом, В.С. Мартьяновым и Д.А. Давыдовым [Фишман и др., 2019]. Заметим, что книга, вышедшая до пандемии, весьма эффективно прогнозирует многие черты мира-во-время и после-пандемии. Некоторые результаты авторских разысканий в этой области были опубликованы ранее [Мартьянов, 2016]. Новая монография – это междисциплинарное исследование, включающее в себя «моменты» политэкономии, социологии, политической науки, философии, истории, антропологии, этики. Мы большей частью сконцентрируемся на социологических аспектах монографии.

Социальное государство всеобщего благоденствия. После Второй мировой войны из недр фордистского общества на Западе выросло государство всеобщего благоденствия (*Welfare state*), которое по своему внутреннему существу было социальным, демократическим и эгалитарным. Этот период Т. Пикетти назвал *славным тридцатилетием XX в.* (1945–1975). Экономической основой социального государства, с точки зрения авторов, выступала ресурсная обеспеченность наиболее развитых стран (центра миросистемы), которая черпала свои силы за счет эксплуатации природы и трудовых ресурсов стран полупериферии и периферии, «радикализации мирового неравенства» (с. 98) и «глобальной технологической монополии, когда остальной мир представлял рынки сбыта и источники сырья» (с. 98–99). Это общество, связанное с *массовым трудом* в промышленности и сельском хозяйстве, характеризовалось *экономическим ростом*.

Такое положение дел детерминировало и соответствующую социальную структуру. С одной стороны, воспроизводилась классовая стратификация (буржуазия/трудящиеся), а с другой – поскольку имели место рост доходов и улучшение быта у всех групп населения – происходило *относительное сокращение социального неравенства*. Стабилизирующим в этой структуре стал постоянно растущий *средний класс*, который оказывался и *социально обеспеченным*, и в силу этого *политически лояльным*. Росли и многообразные формы социальной мобильности.

Конечно, существовала и безработица, но она носила обычный, стационарный характер; существовали и гетто, и расовая сегрегация, но они особых помех не создавали, ибо (не без влияния советских социальных практик) все эти *опасные социальные группы так или иначе были обеспечены* посредством особого геополитического и экономического положения империалистического центра.

Другим сдерживающим фактором служила *политическая активность масс*, ибо трудящийся заполнял свое свободное время потреблением, развлечениями и *политикой*, т.е. «начинал претендовать на долю власти» (с. 68). Поэтому в этот период *реально действуют* демократические институты, ибо широкие массы населения как активные субъекты действительно участвуют в политике. Наконец, все эти базисные и социальные факторы сформировали своеобразную *трудовую мораль*, согласно которой сначала надо *трудиться*, чтобы *заработать*, и только потом *наслаждаться*.

Рентное общество. Однако на определенном этапе развития капитализма начинается рост постиндустриального сектора, малочисленных, но высокопроизводительных платформ, компьютеризация, *технологическое замещение живой рабочей силы* (с. 69, 295). Обнаруживается *исчерпанность всех – материальных, трудовых, нематериальных – ресурсов в глобальном масштабе* (с. 70, 104, 140, 198, 272). Мировая экономика вступает в фазу структурной стагнации. Эти экономические факторы детерминируют радикальные трансформации в социальной структуре.

Исчерпание ресурсов и технологическое замещение приводят к тому, что непосредственно в производстве инноваций и богатств участвует *все меньше населения* (с. 66). Это влечет *сокращение массового труда* (с. 70), и, как следствие, происходит «размытие» классической классовой структуры (с. 153), появляются новые ведущие социальные группы – креативного класса, технократии, резкое увеличение работников сферы услуг, ИТ-тружеников; появляются и новые формы занятости (фрилансеры, удаленная работа, проектные сообщества). «Превратившиеся в работников сервиса трудящиеся Запады живут на долю империалистической ренты с эксплуатации 3–4 млрд людей труда развивающихся стран» (с. 66). Но *специфика* этой ситуации в том, что имеет место *сокращение доходов у всех групп населения* (кроме высшей элиты). Особенно это касается двух последних поколений (миллениалов и поколения Z). Из-за высокого неравенства, уменьшающейся мобильности и низкой экономической динамики последних полутора десятилетий нынешние молодые могут оказаться первыми поколениями, которые будут жить хуже предыдущих.

Появляются новые *опасные классы*: *прекариат*, временно и окончательно «*лишние люди*» (с. 61–64), *структурные безработные* (с. 96, 169), в связи с чем формируется новый

«срез» стратификационной структуры общества: *гарантированная занятость* (салариат); *негарантированная занятость* (прекариат, временно безработные/лишние) и *полная неза-нятость* («полностью лишние»). В обществе сокращающегося труда, прекаризации, «лишних людей» и структурной безработицы существование *социального государства*, финансируемого в экономическом росте, становится невозможным (с. 169). Такие фундаментальные атрибуты *Welfare state*, как социальная стабильность, относительное равенство, рост доходов в странах центра, *перестают действовать*. Однако новые необеспеченные классы «требуют все больших объемов ренты для поддержания своей жизнедеятельности» (с. 70).

Что же это за ренты? Сразу же предупредим читателя: в монографии речь идет не об узкоэкономическом понятии в духе *economic* (с. 10), которое в своей основе сводится к механизму земельной ренты. Авторы рассматривают ренту в более широком – *политэкономическом* – плане, совершенно справедливо утверждая, что «экономическая наука как *политическая экономия* исторически являлась политическим мышлением не в меньшей мере, чем *чисто экономическим*» (с. 8). А поскольку в рамках политэкономии изучаются все (экономические, экологические, технические, технологические, социальные, демографические, политические, юридические, морально-регулятивные) *условия процесса материального воспроизводства общественного бытия*, то и категория ренты в монографии получает *расширительный смысл*.

Если свести все определения ренты, данные в монографии, воедино, то ее можно будет определить как *материальные и нематериальные блага, которые получают субъекты* (индивиды, социальные группы, государства) *за счет своего привилегированного институционального положения в социально-политической структуре* (с. 25) *или эксклюзивного доступа к ограниченным ресурсам* (с. 74). То есть сюда включаются любые доходы, не связанные с трудом и инвестициями капитала, разного рода преференции и выгоды, определяемые «обладанием» того или иного привилегированного статуса.

В качестве такого рода выгодных социально-политических статусов *на уровне индивидов* выступают *гражданство, географическое положение, социальный капитал* – право на социальные пособия, дотации, льготы, жилье, доступ к образованию, здравоохранению, переобучению и иным благам (с. 72), *право на безусловный базовый доход* и т.д. Так, например, учителя в разных регионах России *за один и тот же труд* получают заработную плату, отличающуюся в разы. Если подобные различия и разные преференции (бесплатный проезд, отдых в ведомственных санаториях) имели место в СССР, то это были доплаты *за более тяжелые условия труда и жизни* («уральские», «северные», «подъемные») и были *обоснованы социально-экономическими* (в том числе и собственно *географическими*) факторами. Сегодня же эти различия «обосновываются» тем, что «деньги выплачиваются не столько за труд, сколько за вхождение в определенное сообщество, территориальное или, реже, корпоративное. Никакими рыночными механизмами этого не объяснить» [Мартьянов, 2019: 7].

Если мы берем регионы отдельного государства, сами эти государства или политические сообщества, то в качестве рентогенерирующих факторов выступают, например, особый статус субъекта федерации, положение в мировой системе, обладание высокими технологиями, посредством которых реализуется империалистическая рента. Из такого понимания ренты авторы делают ряд важных выводов, которые позволяют описать существенные характеристики рентного общества. Несмотря на сокращение массового труда и спад темпов экономического роста, тем не менее, производство национального богатства не прекращается: теперь в этом процессе участвует небольшая часть населения, а большинство вынуждено искать новые и новые источники ренты. Это в первую очередь, конечно, относится к прекариату и структурным безработным (с. 70). Но в условиях пандемии эта ситуация усугубилась и стала реальностью не только для собственно «опасных» социальных групп.

Однако надо учитывать и то, что рента в этих новых условиях, как правило, означает не весь доход субъекта, а только его часть. Например, как *структурная рентная составляющая заработной платы*. И в этом смысле *новые рантье* радикально отличаются от прежних, которые, как правило, жили только на ренту, не имея иных источников дохода, и в этом плане действительно были *паразитическими элементами*. Речь идет о том, что по ряду причин увеличивается *относительная* доля рентных источников доходов у *многих* социальных групп. Но это не исключает наличия у них параллельных источников ресурсов, связанных с трудом и капиталом. Здесь важны *тенденции относительного роста рентных факторов*.

В силу этого оказывается, что сегодня в качестве рантье выступают представители всех социальных групп, в том числе и тех, кто к таковым никогда не относился. Например, даже «предприниматели неизбежно превращаются в рантье» (с. 86), ибо в их психологии погоня за рентой доминирует над погоней за прибылью, поскольку «капитализм нередко возводит погоню за рентой в принцип своего существования» (с. 38). Это резко отличается прежний капитализм от современного тем, что движущая сила первого состояла в стремлении постоянного увеличения прибавочной стоимости, капитала. Изменился капитализм также и с точки зрения открывшихся «лифтов» и доступов к ренте со стороны *нижних классов*, ибо в прежних обществах доступ к привилегиям имели только классы высшие (с. 43).

Отсюда авторы делают еще один важный вывод. Коль скоро теперь социально-экономические факторы (свободный рынок, место в системе производства) распределения рент играют несущившую роль, а на первое место выходят права собственности на «*недвижимость, гражданство, принадлежность к привилегированному сословию/группе/сообществу и т.д.*» (с. 74), то, во-первых, классовое общество трансформируется в общество *сословно-рентное*, ибо неравенство носит уже не экономический, а *политический характер*; во-вторых, главным распорядителем ренты становится государство. «*Следовательно, ключевой проблемой является то, когда, кому и за что распределяет ренту государство, как меняются принципы подобного распределения и состав получателей*» (с. 74).

В силу этого активным политическим субъектом оказывается все более усиливающееся *недемократическое и неэгалитарное государство*, занимающееся жестким *внеэкономическим распределением рент различным социальным группам*: одних оно назначает достойными той или иной ренты, приближает к «кормушке», других этих рент лишает, «отлучает от благодати». То есть недолго просуществовавшее социальное государство снова трансформировалось в государство *естественное*, «раздающее привилегии и ренты в основном имущим классам, а у прочих постепенно отнимающее политическую ренту как *справедливую часть зарплат*, которая теперь обретает характер необоснованной привилегии» (с. 53).

Изменения в социально-экономических и социально-политических процессах и структурах детерминируют и радикальные трансформации в морально-регулятивной надстройке. В первую очередь это касается того, что новый образ жизни большинства приводит к восприятию разного рода рент, пособий, выплат как *само собой разумеющихся, естественных*, связанных, например, с *гражданством*. «При этом все виды ренты, по аналогии с земельной, воспринимаются как своего рода дары природы, которыми грех не воспользоваться» (с. 32).

Альтернативные перспективы рентизации. Хотя «нарисованная картина рентного общества носит гипотетический характер» (с. 388) и оно «еще не стало реальностью» (с. 285), исследование развития сквозь призму процессов рентизации позволяет не только увидеть в совершенно новом ракурсе прошлое и настоящее, но и *заглянуть в будущее* (с. 27). С точки зрения авторов, исторический процесс имеет как множество направлений и альтернатив, так и множество уровней развития. Все зависит от конкретной констелляции экономических, социальных, политических, геополитических, культурных условий. Поэтому в книге рассматриваются и *глобальные* (с. 119–191), и *региональные* – российские (с. 192–277), и *социально-классовые*, и даже *морально-регулятивные* (с. 278–298) тренды развертывания рентизации от «общества труда» через стадию его «заката» (с. 68, 281) к собственно рентному обществу.

Если описанный выше процесс рентизации продолжится (а эта тенденция как раз радикально усилилась в глобальном масштабе в результате пандемии), то нас на уровне отдельных государств ждет общество без массового труда и экономического роста, но с иерархией сословно-рентных групп (с. 70, 284), среди которых естественное недемократическое государство внеэкономическими методами распределяет ренты и привилегии, а большинство тех, кто не смог по разным причинам встроиться в новые социальные структуры, «с большей вероятностью ждут не комфортабельные социальные пособия, а сокращение доступных возможностей, прав и гарантий, вплоть до исключения из общества или прямого уничтожения» (с. 152).

Если рассматривать негативный сценарий в глобальном масштабе, то это – возврат к принципам стратификации средневекового общества. Причем с точки зрения «большой длительности» 200-летний период рыночного капитализма с его высокой динамикой, экономическим и технологическим ростом выглядит не новой стадией, а *временным отклонением* от рутинного феодализма с его сословными социальными структурами. Однако современность отличается от всего предыдущего развития таким существенным фактором, как *радикализация глобального неравенства*, когда большая часть мировых богатств принадлежит менее 1% населения планеты [Стиглиц, 2016].

Безусловно, такой «неофеодальный» вариант развития вполне вероятен [Kotkin, 2020]. Однако он возможен только лишь в случае *глобального развертывания рентизации*. Хотя сами авторы часто говорят о «глобальном рентном порядке» (с. 73), «глобальной рентной модели капитализма» (с. 86), тем не менее, подчеркивают, что это – всего лишь *тенденция*. В реальной же действительности, как нам представляется, процессы рентизации сегодня относятся только к наиболее развитым капиталистическим странам, в то время как большинство населения нашей планеты обретается в условиях модерна и даже до-модерна. Поэтому парадигма становления рентного общества через переход от социального государства к сословно-рентной структуре для большинства стран нерелевантна: для них не существует проблем появления «лишних людей», ибо они там были всегда, или свертывания социальных программ государства всеобщего благосостояния, ибо таковых там не было.

Однако в монографии описывается и *позитивная* перспектива, в которой уже само рентное общество рассматривается «как возможная переходная стадия к социализму» (с. 378–386). Если негативный вариант развернется сам собой, то для реализации позитивного направления потребуются серьезные усилия всего мирового сообщества. И вот здесь нам близок пафос авторов: они считают, что *человечество в силах преодолеть отрицательные тенденции и вызовы рентизации и сознательно перенаправить их в позитивное русло*. Речь идет о том, что посредством научного планирования исторического развития люди преодолеют отчуждение (господство над ними независимых от них сил) и вернут себе *субъектность как способность активно преобразовывать социальные условия своего существования* (с. 282), вновь станут *причастными к своей собственной судьбе* (с. 307, 312–313).

Думается, что только консолидированное человечество сможет преодолеть две конститутивные причины возникновения рентного общества в странах «золотого миллиарда»: *исчерпание ресурсов и технологическое замещение живых людей*. Все остальные признаки – сокращение массового труда, появление опасных классов, живущих в основном на ренту, свертывание демократии, возвращение к естественному государству, формирование иждивенческой морали – это только следствия базисных оснований.

Проблема исчерпания может быть решена только в условиях научно-практического *сотрудничества всего мирового сообщества по разработке новых видов ресурсов*. Глобальных усилий требуют и экологические проблемы, и проблемы здравоохранения. Но часть проблем, порождающих рентное общество и им порождаемых, может быть решена только на уровне *конкретных стран, обществ, предприятий, семей и даже школьных классов*. Это касается, прежде всего, процессов, связанных с технологическим замещением живого труда. По разным прогнозам через 15 лет половина сегодняшних школьников будут

работать в таких профессиях, которые еще даже не придуманы [Frey, Osborne, 2017], то вместо того, чтобы уделять внимание *будущему без труда*, следовало бы сосредоточиться на исследованиях *будущего труда* [Шевчук, 2005]. Конкретный технологический, социологический, психологический анализ конкретных ситуаций смог бы помочь спрогнозировать то, какие виды труда исчезнут, какие появятся, как изменится содержание старых форм, как будут развиваться новые виды занятости [Тощенко, 2020], новые формы реципрокной экономики (*gift-экономика*, программы с открытым доступом). Поэтому технологическое замещение людей *smart-машинами* – серьезная, но все же временная проблема.

Более серьезной в этом плане оказывается проблема формирования антитрудовой («рентной») морали, когда *любая* форма общественно-полезной деятельности рассматривается как «эксплуатация» и «угнетение» «свободной личности». Безусловно, такие вещи должны решаться на уровне межличностного бытия. На уровне повседневности должна осуществляться и радикальная переориентация системы потребностей с потребительской модели на продуктивно-сберегающую. В целом же речь идет о сознательном построении общества на основе уже не органической, а *гармонической солидарности*.

Заключение. В заключение хотелось бы отметить следующее. Во-первых, концепция становления рентного общества, предложенная в монографии, позволяет увидеть такие процессы и явления, которые в других «оптиках» оказываются просто несуществующими. И это делает данную парадигму эвристичной, позволяющей открывать новые грани современного мира. Во-вторых, хотя мы не согласны со слишком диверсифицированным пониманием ренты как доходов с любых привилегий, с неправомерной исторической экстраполяцией, когда «погоня за рентой» рассматривается как «универсальное явление, пронизывающее всю человеческую историю» (с. 25, 32), и с «глобализованным» видением рентного общества, тем не менее, надо согласиться с авторами в том, что эксплицитные и проанализированные ими *рентные тренды развития современного капиталистического общества* имеют место и становятся в этих ограниченных сегментах *глобализирующегося мира доминирующими*. В-третьих, ближайшее будущее определяется новыми глобальными вызовами (например, пандемией), среди которых *значительную* роль играют и процессы рентизации, исследованные в монографии. Но уже сегодня понятно, что только общими теоретическими, научно-эмпирическими и практическими усилиями люди могут направить это будущее в *позитивном* для всего человечества направлении. И рецензируемая книга – серьезный вклад в это всеобщее дело.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Мартьянов В.С. Рентное общество: капитализм на пенсии // Наука Урала. 2019. № 24. С. 6–7.
- Мартьянов В.С. Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 139–148.
- Стиглиц Дж. Великое разделение. М.: Эксмо, 2016.
- Тощенко Ж.Т. Прекарная занятость – феномен современной экономики // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 3–13. DOI: 10.31857/S013216250009904-7.
- Фишман Л.Г., Мартьянов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 11–24.
- Frey C.B., Osborne M. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 114. Iss. C. P. 254–280. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019.
- Kotkin J. The Coming of Neo-Feudalism. A Warning to the Global Middle Class. New York: Encounter Books, 2020.

Статья поступила: 15.10.20. Принята к публикации: 08.02.21.

FROM THE MARKET SOCIETY TO THE RENTAL SOCIETY

KONDRASHOV P.N.

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Pyotr N. KONDRASHOV, Doc. Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia (pnk060776@gmail.com).

Abstract. The article presents the author's reflections on the monograph "Rent society: in the shadow of labor, capital and democracy". The factors and conditions of the transition from the welfare state and the society of mass labor to the rental type of society are considered. The main reasons for this transformation are the depletion of resources on a global scale and the technological replacement of humans, which leads to the growth of social groups living on various forms of rent (benefits, AML, additional payments, etc.), while the production of wealth involves fewer and fewer people. Two possible scenarios for the further development of a rental society are analyzed: negative, associated with the deepening and globalization of rental processes and leading to "neoliberal feudalism", a society without mass labor and economic growth, but with a hierarchy of estate-rent groups, between which the state distributes rents by non-economic methods and privilege; and positive, associated with the development of science, personality, socialization of society, the formation of a new type of economy, the formation of harmonious solidarity.

Keywords: rent society, social state, natural state, technological substitution, labor society, resource depletion, social inequality, precariat, "extra people", structural unemployment.

REFERENCES

- Fishman L.G., Martyanov V.S., Davydov D.A. (2019) *Rent Society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy*. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Frey C.B., Osborne M. (2017) The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation? *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 114. Iss. C: 254–280. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019.
- Kotkin J. (2020) *The Coming of Neo-Feudalism. A Warning to the Global Middle Class*. New York: Encounter Books.
- Martyanov V.S. (2019) Rent Society: Capitalism in Retirement. *Nauka Urala [Science of Ural]*. No. 24: 6–7. (In Russ.)
- Martianov V.S. (2016) Social Stratification of Modern Societies: from Economic Classes to Rental Groups? *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 10: 139–148. (In Russ.)
- Shevchuk A.V. (2005) About Future of Work and Future without Work (Futurology Discussions). *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Journal of Economic Sociology]*. Vol. 6. No. 3: 11–24. (In Russ.)
- Stiglitz J. (2016) *The Great Divide: Unequal Societies and What We Can Do about them*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2020) Precarious Employment is a Phenomenon of the Modern Economy. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 8: 3–13. DOI: 10.31857/5013216250009904-7. (In Russ.)

Received: 15.10.20. Accepted: 08.02.21.